

К истории развития вооружения II тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье

Археологические источники предметов вооружения племён бронзового века являются единственными по истории военного дела в Юго-Восточной Европе, находившейся в непосредственной связи с цивилизациями Восточного Средиземноморья, создавшими древнейшие государства в III – II тыс. до н.э. Одним из специфических видов вооружения ближнего боя являются кинжалы, которые в отличие от других (например, копья) никогда не были массовым вооружением всех воинов. Судя по количеству находок, письменным источникам и изображениям в памятниках государств Древнего Востока кинжалы были принадлежностью отдельных воинов, военачальников, лиц с высоким положением в военной иерархии от басилевсов Ахейской Греции до фараонов Египта.

Типологические особенности этого колющего и режущего оружия также имеют свою специфику, заключающуюся в трудности определения их отличий от ножей, хотя в их категорию чаще всего относят предметы с обоюдоострым клинком, а однолезвийные – к ножам. Кинжалы в истории военного оружия стали типологической основой для развития мечей, рапир, палашей, сабель и др. В свою очередь, для древнейших периодов развития вооружения трудно наметить типологическую грань между кинжалами и мечами. А некоторые типы больших кинжалов часто именуются мечами-кинжалами. Обычно кинжалами считают обоюдоострое оружие длиной 20 – 50 см, а более длинные экземпляры относят к мечам.

Предметы вооружения эпохи бронзы на территории Юго-Восточной Европы изучаются вместе с другими изделиями этой эпохи, от которых исследователями они отделяются только типологически. Однако уже начаты и специальные отдельные их исследования (Румянцев, 1972, с.154-157; Ключко, 1993, 138 р.). Их успешное изучение возможно при несомненном учёте военного дела и предметов вооружения в древнейших государствах и регионах Восточного Средиземноморья: Ахейской Греции (Sandars, 1961, p.17-30), Малой Азии (Maxwell-Hyslop, 1946), Египте (Алвис, 1948 – 1959).

Одним из крупнейших этно-культурных образований эпохи бронзы Юго-Восточной Европы была сабастиновская культура в Северном Причерноморье, которая составляла вместе с культурами Балкано-

Карпатского региона Нова и Кослоджени единый культурный комплекс (рис.1), находившийся в определённых связях с южными соседями - древнейшими государствами с письменной историей в Анатолии (Хетское государство) и Восточном Средиземноморье – Троя и Ахейская Греция (Черняков, 1997, с.31-33). Этот блок родственных культур по исследованиям М.Флореску, С.Морингца, Г.Тодоровой, Э.А.Балагури, И.Н.Шарафутдиновой, И.Т.Чернякова, Я.П.Гершковича представляется одним из крупнейших этно-культурных образований в Европе второй половины II тыс. до н.э. (Балагури, 1985, с.481-489; Черняков, 1985, с.152; Шарафутдинова, 1986, с.83-116; Gerskovic, 1999, s.92; Florescu, 1991, s.121; Morintz, 1978, s.118).

Предметы вооружения, особенно кинжалы, как археологические источники для изучения истории древних обществ до письменного периода, играют первостепенную роль не только для изучения военного дела, но и социально-политической стратификации отдельных культурно-этнических образований, а также изучения культурно-технических контактов между племенами и центрами металлообработки. Прогресс в области металлообработки в эпоху бронзы, прежде всего, был направлен на производство более эффективных типов вооружения, которые при сохранении своих культурно-региональных особенностей несут в оформлении и техническом исполнении деталей несомненные следы заимствования достижений других центров производства (Черняков, 1982, с.80-84).

В общей классификации, в частности кинжалов, до сих пор нет разработанного полного терминологического перечня всех деталей отдельных категорий и типов металлического инвентаря. Известно, что в научном сравнительно-типологическом анализе необходима чёткая номенклатура терминологии отдельных деталей категорий и типов бронзовых изделий. Для кинжалов, имеющих черты, общие с категориями других близких видов вооружения (мечи, рапиры и др.), можно предложить следующие терминологические обозначения деталей (рис.2): 1. любой из типов кинжалов состоит из клинка (а) и рукояти (b); 2. клинок имеет срединное утолщение у основания (с), ребро, валик или нервюру по середине (d), две грани (e), утончённые края которых составляют лезвия (f), заканчивающиеся на конце остриём (g); 3. рукоять представляет округлённое или плоское приспособление для держания и действия клинком, состоящее из черенка (h), иногда имеющего отверстие для крепления (i), корпуса рукояти (j); и её верхнего окончания, оформленного часто в виде навершия (k) 4. место соединения клинка с рукоятью часто отделено упором для рукояти или перекрестием (l), составляющего

плечико клинка (m), под которым находится расширение или суженный перехват (n).

Клинок и рукоять кинжала могут быть украшены орнаментом, выполненным в технике литья по готовой модели или форме, гравировкой или инкрустацией золотом, серебром, накладными пластинами с изображениями, выполненными в различной технике. Клинок обычно укладывался в специальные ножны из металла, дерева или кожи, а рукоять могла быть цельнолитой с клинком или "прилитой" к нему, отдельно отлитой из металла, деревянной, украшена различными способами, вплоть до применения золотых пластин, вставок из полудрагоценных камней и янтаря.

В изучении памятников Юго-Восточной Европы конца бронзового века имеется одно из интереснейших открытий погребения в кургане сабатиновской культуры с уникальным кинжалом и деревянным щитом у с. Борисовка Татарбунарского района Одесской области, расположенного в приморской части междуречья Дуная и Днестра (Шмаглий, Черняков, 1970, с.5-115; Шмаглий, Черняков, 1970, с.109-120). Многочисленные особенности довольно своеобразного в типологическом отношении кинжала из Борисовки с несомненной его привязкой к погребению воина и памятникам сабатиновской культуры дают возможность осветить некоторые проблематичные вопросы истории развития этого типа вооружения и культурно-технические контакты его изготовителей с восточноевропейскими, балкано-дунайскими и средиземноморскими центрами металлообработки.

Эта находка получила уже определённое освещение при характеристике сабатиновской культуры Северного Причерноморья (Черняков, 1985, с.139-140; Березанская, Шарафутдинова, 1985, с.493; 1986, с.94), вооружения племён этого региона в эпоху поздней бронзы (Klochko, 1993, p.114, 24, 1), изучения культурно-хронологического положения Бородинского клада (Kaiser, 1997, s.44, Abb.15). Однако, она осталась раритетным явлением в качестве иллюстрации, до конца не изученной до сих пор.

Проведённые исследования типологии кинжала привели к определению его принадлежности кругу сабатиновских древностей, тип которого имеет значительные отличия от кинжалов Красноямацкой мастерской (Черняков, 1985, с.108, 112; рис.56, 7). Е.Н.Черных на основании обработки громаднейшего фонда находок бронзовых изделий и литейных форм Юго-Восточной Европы создал типологическую классификацию с конечным типологическим разрядом (КТР) определённых типов отдельных категорий металлического инвентаря. В

этой сводной работе кинжал из Борисовки он отнёс к типу Н-48/50 – кинжалам с листовидным клинком с цельнометаллической или комбинированной рукоятью (Ингульский, Лозовский клады, находки в Чутулештах, Волошском, Красномаяцкая мастерская). Близкими по типу и технологии он считал меч из Черковны и негатив меча-кинжала на литейной форме из Побит-Камыка в Болгарии. По его мнению, центр ареала подобных кинжалов находится в Прутско-Днестровском бассейне (Черных, 1976, с. 123). Он также отмечал отличия кинжала из Борисовки от других подобных кинжалов в наличии дуговидного упора, который сближает его с некоторыми красномаяцкими негативами и малокопаневской литейной формой.

Ценнейший исследовательский труд Е.Н.Черных не только упорядочил категориальную и типологическую единообразную и всеохватывающую классификацию огромного фонда находок бронзолитейного производства в Юго-Восточной Европе. Он позволил более эффективно проводить сравнительно-типологический анализ всех изделий, выделять отдельные металлообрабатывающие центры (мастерские) и даже крупные очаги металлообработки, связанные с теми или иными регионами и археологическими культурами. Естественно, что для исследования отдельных вопросов, связанных со сравнительно-типологическим детальным анализом, необходимо кроме этого учитывать размеры, пропорции, генетическо-морфологические, конструктивные и технологические особенности типов изделий, а также их орнаментацию и культурную традицию.

Кинжал из с. Борисовка был обнаружен в курганном погребении с обрядом кремации в прямоугольной яме со сложным деревянным перекрытием. Кроме бронзового кинжала в нём находились деревянный щит, два глиняных и один деревянный сосуд (Черняков, 1985, с. 140, 141; рис. 72). Кинжал имеет широкий клинок листовидной формы с узким остриём и перехватом ниже дуговидного упора-перекрестия, плоский черенок с отверстием для крепления с помощью заклёпки деревянной рукоятки, край которой закреплён штифтом грибовидного металлического навершия. Деревянная часть рукоятки обвита по спирали неширокой кожаной полоской. Основание клинка по середине имеет литое виллообразное тройное утолщение, переходящее по ребру в тройную нервюру. Лезвие и остриё кинжала откованы, заточены и зашлифованы. Размеры кинжала следующие: общая длина – 37,5 см, длина клинка – 25,5 см, длина рукоятки – 12 см, наибольшая ширина клинка – 8,5 см, перекрестия – 7,5 см, длина черенка – 5,8 см, диаметр грибовидного навершия – 5 см, высота навершия – 3,8 см, диаметр нижней части

навершия – 2,5 см, наибольший диаметр деревянной круглой рукоятки в средней части – 3,8 см.

Для этого типа кинжалов (Н-48/50 по классификации Е.Н.Черных) характерны клинки листовидной формы, цельнометаллические или комбинированные составные рукоятки с грибовидным навершием, наличие дуговидного упора-перекрестия, концы которого в некоторых экземплярах заглаживаются волутами, расширенное подтреугольное основание клинка с тройной нервюрой или округлённым утолщением по его срединному ребру. Значительное количество находок металлических изделий (Ингульский, Лозовский клады, Чутулешты, Волошское) и негативов на литейных формах (Красные Маяки) в Северном Причерноморье свидетельствуют о распространённости этого типа и его глубокой культурной традиции. Наличие литейной формы для отливки рукоятей кинжалов этого типа в Красномаяцкой мастерской (рис. 3, 21) подтверждает несомненную традиционную связь этого типа кинжалов с оформлением у них рукоятей с грибовидным навершием (Черняков, 1965, с. 19-22; 1985, с. 111; рис. 55). О распространении такого типа “прилитых” металлических рукоятей свидетельствует и наличие негатива рукоятки в клде из Новокиевки (рис. 3, 20; Kločko, 1993, p. 114, fig. 24, 12). Наборные рукоятки с основой в виде металлического штыря известны не только на негативе из Побит Камыка, но и на металлическом экземпляре из клада Лобойково (рис. 3, 24), а также по обломку из клада Мойград I (рис. 3, 19; Petrescu-Dimbovita, 1977, Pl. 310, 13).

Морфологические особенности оформления некоторых деталей кинжала из Борисовки в сочетании с конструктивными и технологическими способами в их воспроизведении дают возможность более детального сравнения и решения некоторых вопросов генезиса, культурно-технологических связей и хронологии. Это касается, прежде всего, дуговидного упора-перекрестия, наличия перехвата на клинке особой формы, тройной нервюры почти по всей длине ребра, плоского черенка для крепления рукоятки с помощью заклёпки и специального металлического грибовидного навершия рукоятки.

Для всех типов кинжалов главным определяющим признаком выступает листовидная форма клинка. В борисовском кинжале она отличается от аналогичных экземпляров из Ингульского, Красномаяцкого, Лозовского кладов и негатива из Побит-Камыка большим расширением в его верхней, а не срединной или нижней части. Морфологическая форма клинка борисовского кинжала приближается к подобным, представленным на иных типах кинжалов Н-30/32, Н-34/36 с листовидным пером, перекрестием или кольцевым упором для рукоятки (Черных, 1976,

с.118-121). Эти типы кинжалов имеют многочисленные модификации и огромную территорию распространения от Балкано-Подоунавья до Поволжья и Приуралья.

Наиболее близкие аналогии в форме листовидного расширяющегося кверху клинка борисовского кинжала (рис.3, 12) имеют экземпляры из Кослоджени (рис.3, 11) в Румынии (Neagu, 1993, p.191, Pl.X, 4), Сливино в Болгарии, Елисевицей в Приазовье и др. Морфологическое оформление верхней части клинка с перехватом у перекрестия у борисовского кинжала с общей формой, заимствованной у кинжалов других более архаичных типов, свидетельствует о начальном первом этапе создания кинжалов нового типа Н-48/50, в котором их длинное дуговидное перекрестие, заменившее более короткое или даже кольцевой упор, было отделено от листовидного клинка созданием перехвата у его основания. По сути, он представляет подобный более узкий перехват между упором и клинком кинжала в типах Н-30/32, Н-34/36.

На борисовском клинке кинжала его создатель вместо валикообразного утолщения на срединном ребре применил более рациональное решение жёсткости в виде тройной нервюры, доходящей до острия. У основания клинка вместо утолщения средней части сделана рельефная вилка. Всё это, несомненно, создавало прочный элемент жёсткости клинка кинжала с определённым уменьшением его веса и соответственной экономией металла. Сходный тип кинжала на литейной форме из Побит Камыка (рис.3, 10) в Болгарии с дуговидным перекрестием, усы которого опущены вниз, а основание клинка и ребро сделаны по всей длине до острия в виде нервюры, представляет второй этап развития этого типа (Черных, 1978, с.245, табл.68, 7). Хотя форма клинка отличается от борисовского большей суженностью и отсутствием перехвата у клинка, их кроме общего сходства объединяют и происхождение от кинжалов указанных типов (оформление штыря-черенка на негативе из Побит Камыка), очень близкие размеры (из Побит Камыка общая длина 41 см), аналогичное оформление перекрестия и ребра клинка тройной нервюрой по всей длине. Сходное оформление ребра по середине клинка нервюрой сделано на парадном золотом микенском мече из Першияри в Румынии (Bouzek, 1985, Pl.1, 1).

Генетически-морфологическое происхождение дуговидного перекрестия этих кинжалов, особенно на борисовском экземпляре, вероятно, связано с уплощением и удлинением кольцевого упора и перекрестия. Третий этап развития этого типа кинжалов представленный экземплярами из Ингульского (рис.3, 14), Лозовского кладов (рис.3, 15, 16) и целой серией негативов (рис.3, 18, 23) Краснояцкой мастерской

(Черняков, 1965, с.87-123; 1985, с.112, рис.56). Все они имеют удлинённый листовидный клинок с расширением в средней части, дуговидное перекрестие, иногда заканчивающееся завернутыми волютой концами, тройную нервюру, не доходящую до острия, а только до середины. Нижняя часть нервюры переходит в валикообразное утолщение.

Следует отметить, что плоское утолщение клинка, как и валикообразное утолщение по ребру клинка, одновременно употребляется на третьем этапе развития этого типа кинжалов наравне с тройной нервюрой, что отмечено на многих негативах кинжалов Краснояцкой мастерской (Черняков, 1985, с.112, рис.56). Тройная нервюра по срединной грани до самого острия имеется на кинжале из Чутулешт (рис.3, 28). Однако, в этом экземпляре концы перекрестия, как и в кинжалах из Ингула и Лозово завернуты волютой. В некоторых мастерских сохраняется и употребление простого дуговидного перекрестия, как это видно на негативах кинжалов литейных форм из Дудчан (рис.3, 17), Волошского (рис.3, 12), Мариновки (рис.3, 27; Klochko, 1993, p.111, Fig.2, 3, 6).

Существенным отличием кинжала из Борисовки от всех других однотипных и близких им с территории Юго-Восточной и Восточной Европы является наличие плоского черенка с отверстием для крепления рукояти. Этот принципиально иной технологический способ крепления рукояти с помощью металлических заклёпок, характерный для восточносредиземноморских и центральноевропейских мечей и кинжалов, отличается от всех других сходных восточноевропейских типов кинжалов, имеющих круглый или овальный штырь. Последний имеется на многих типах таких кинжалов и, вероятно, представляет определённую технологическую традицию закрепления при помощи штыря рукоятей из металла, дерева или кости. Все кинжалы, как и Борисовский, имеют округлые, гранёные или прорезные металлические рукояти, рукояти с грибовидным навершием, которые в общем плане имеют сходную форму.

Технологический способ крепления рукояти кинжала из Борисовки при помощи плоского черенка с отверстием для крепления с помощью штифта-заклёпки аналогичен такому же приёму на серебряном кинжале из Бородинского клада (рис.3, 7). Отличие заключается только в количестве отверстий на черенках (в бородинском – 3). Последнее, возможно, связано с более мягким металлом, из которого он изготовлен. Длительное изучение этого кинжала, средняя часть которого украшена инкрустированным микенским орнаментом из золота, привело к поиску его аналогий в типологии, в основном, в Ахейской (Микенской) Греции. Е.Н.Черных выделил Бородинский кинжал с подтреугольно-листовидным клинком, треугольным основанием клинка и плоским черенком с

отверстиями в КТР Н-24. К этому типу он отнёс и находку из Черкасского уезда (Черных, 1976, с.117). Однако последний имеет только несколько схожее очертание клинка, но иной штырь для крепления рукояти. Более близкой аналогией кинжалу из Бородина является негатив на литевой форме из Малых Копаней (рис.3, 8; Черняков, 1970, с.26, рис.2, 1, 2). Он не только является точной копией кинжала из Бородина, но имеет и близкие с ним размеры (Бородинский – длина 27 см, Малокопаневский – 20 см).

К сожалению, в парадном серебряном кинжале из Бородинского клада с микенской орнаментацией его средней части вдоль ребра по обеим сторонам граней клинка, рукоять не сохранилась. Однако, близкий к нему по хронологии кинжал из погребения комаровской культуры у с. Ивана (рис.3, 6) имеет также орнаментацию по середине клинка, составную рукоять с грибовидным навершием (Свешников, 1968, с.163, рис.4). Возможно, что в древности бородинский кинжал имел также рукоятку с грибовидным навершием. Во всяком случае, близкие по типологии кинжалы из Ахейской Греции, найденные в могиле Дельта круглой усыпальницы В из Микен, погребении царицы в фолосе Мерсинохори из Пилоса (рис.3, 3) имеют довольно роскошные золотые рукояти с грибовидным навершием (Блаватская, 1966, с.186, рис.16; с.209, рис.47).

Близкие по форме два кинжала (рис.3, 4, 5), один с золотым клинком, второй с железным, находились в знаменитой гробнице фараона Тутанхамона начала XIV в. до н.э. (Картер, 1959, с.176-178, табл.101). Оба кинжала имеют рукояти с грибовидным навершием и одинаковые размеры (длина – 31,9 см). Золотой кинжал по середине имеет тройную нервюру, а грибовидное навершие в рукояти кинжала с железным клинком сделано из горного хрусталя. В форме и декоративном оформлении этих кинжалов, как и их ножен, ещё Г.Картер отметил чуждые элементы, не характерные для Египта, а для стран Эгейского бассейна. Эти типы кинжалов, как и аналогичные им кинжалы царицы Яххотен, царя Каммоса, хранящиеся в Каирском музее, относятся к началу XVIII династии XVI в. до н.э. Проникновение такого типа кинжалов связывают с гиксосским завоеванием Египта в начале XVII в. до н.э. (Картер, 1959, с.178). До этого времени рукояти египетских кинжалов оформлялись совершенно иначе для зажимания их указательным и средним пальцами, и клинок вплотную примыкал к ладони. Такие кинжалы медленно вонзали в жертву, а появившиеся типы кинжалов предназначались для резкого удара сверху вниз.

С этими типами кинжалов, отмеченных находками в Бородино, Ахейской Греции и Египта, типологически связан золотой кинжал XIX в.

до н.э. из святилища Обелисков в Библие (рис.3, 2), на золотой рукояти и ножах которого имеются изображения различных сцен (Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988, с.219, рис.70в). У него сходная подтреугольно-удлиненная форма клинка и рукоять с грибовидным навершием, закрепленным, как и в Бородинском экземпляре с помощью штифта.

Появление и широкое распространение грибовидных наверший на рукоятках кинжалов в первой половине II тыс. до н.э. в странах Восточного Средиземноморья имеет более древнее происхождение, зафиксированное находками бронзовых, серебряных и железных кинжалов с рукоятками из камня с резьбой и инкрустацией из золота, серебра, самоцветов из погребений знати могильника в Дораке (рис.3, 1; Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988, с.44). Эти изделия связываются с деятельностью мастеров Трои-II, хронология которой укладывается во вторую половину III тыс. до н.э. (Чмихов, Черняков, 1988, с.26). Наличие в кладе "L" Трои из раскопок Г.Шлиманна серии топоров бородинского типа, а также шести "набалдашников" из горного хрусталя (рис.3, 22), по конструкции и форме сходных с грибовидными навершиями для рукоятей кинжалов (Сокровища Трои, 1996, с.148-155) подтверждает выводы исследователей о важности мастерских Трои в активной ремесленной и обширной торговой деятельности, а также возможной разработке типологии и технологии оформления кинжалов. Из отдельных находок в Трое происходит орнаментированная золотая обкладка "набалдашника" - грибовидного навершия (Сокровища Трои, 1996, с.192, № 255).

Грибовидные набалдашники из горного хрусталя из Трои-II сделаны в виде цилиндрических втулок с отверстием для насаживания на рукоять (рис.3, 22). Они по деталям оформления и размерам составляют три пары с высотой 5,65 – 5,95 см, 4,45 см, 4,3 – 4,35 см (Трейстер, 1996, с.225-226). Немного меньшее по размерам навершие рукояти бородинского кинжала отличается по размерам и оформлению от троянских в связи с использованием металла, а не камня. Предложенные объяснения функционального применения троянских набалдашников из горного хрусталя в качестве украшения бронзовых булавок, рукоятей парадных желтов, топоров-молотков не исключает их использования в качестве наверший рукоятей кинжалов. Последнее их назначение подчеркивается применением не только на рукояти железного кинжала из гробницы Тутанхамона (рис.3, 5), но и использованием близких по форме и размерам изделий из камня на рукоятках кинжалов из шахтовых гробниц Микен. Так, например, подобные навершия рукоятей кинжалов из мрамора найдены в V шахтовой гробнице, а из алебастра в IV гробнице (Трейстер, 1996, с.225-226; Каго, 1930 – 1933, s.108-109).

Об установлении длительной традиции применения грибовидных наверший на территории Малой Азии свидетельствуют находки подобных изделий из мрамора и слоновой кости в слоях Трои VI, VIII-IX из известняка и мрамора в Богазкее XIV – XIII вв. до н.э. (Трейстер, 1996, с.225-226). Проведённые исследования свидетельствуют о необычном подъёме металлообрабатывающих ремёсел и широком использовании оловянистых бронз на территории Малой Азии в конце III и начале II тыс. до н.э. (Трейстер, 1996, с.234-240; Авилова, Черных, 1989, с.31-83). Находки бирюзы из Афганистана, янтаря из Прибалтики в Малой Азии – свидетельство обширной торговли, охватившей на рубеже III – II тыс. почти все территории Старого Света. Успехи в новейшей для того времени технологии освоения железа малоазийскими мастерами отмечены также весьма удалёнными находками железного кинжала в гробнице Тутанхамона в Египте и железного ножа 1500 г. до н.э. в Гановицах в Карпатском регионе Словакии (Vladař, 1978, s.52, 20).

Применение грибовидных наверший в кинжалах Восточной, Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья могут свидетельствовать только об использовании первоначального импульса в конструктивном оформлении рукоятей кинжалов из Малой Азии, где эта традиция развивалась длительное время. Применение в эпоху бронзы грибовидных наверший в кинжалах имеет широкий территориальный и хронологический диапазон. Генетически-морфологические, конструктивные особенности кинжала из Борисовки, его особенные аналогии представляют значительные возможности для установления времени его бытования.

Прежде всего, установленная его связь с восточноевропейскими кинжалами с листовидным клинком и кольцевым упором для рукояти (Н-34), а также с бородинским кинжалом и аналогичным типом на негативе из Малых Копаней даёт возможность хронологического выяснения их хронологического положения. Ещё при публикации Малокопаневского клада нами было отмечено более раннее или, может быть, синхронное распространение листовидных кинжалов с кольцевым упором для рукояти и кинжалов бородинского типа (Черняков, 1970, с.29).

Это заключение сделано на основании наблюдения над литейной формой из Малых Копаней, где негатив кинжала Бородинского типа вырезан после сошлифовки негатива кинжала листовидной формы с кольцевым упором для рукояти. Кроме того, на обратной стороне этой литейной формы сохранился негатив кинжала подобного типа (рис.3, 9), который отливался одновременно с бородинским. Форма клинка этого кинжала имеет расширение в верхней части, что морфологически

объединяет его с наконечниками копий бородинско-сейминского типа. Таким образом, возможно предполагать хронологическую близость кинжала из Борисовки к материалам Бородинского клада. Кинжалы листовидной формы с кольцевым упором для рукояти продолжали использоваться длительное время, как можно судить по многочисленным находкам бронзовых экземпляров и негативов литейных форм из Красных Маяк и Новокосовки (рис.3, 25, 26).

Вторая хронологическая линия привязки кинжала из Борисовки связана с несомненной близостью с негативом кинжала на литейной форме из Побит Камыка в Болгарии (рис.3, 10). Анализируя типы изделий этого клада, Е.Н.Черных на его материалах попытался решить проблему связей генезиса и хронологии металлообработки среднего и позднего этапов бронзового века в Балкано-Карпатском регионе (Черных, 1978, с.254-261). Характеристика хронологических схем Г.Мюллера-Карпе, А.Можолитч, Б.Хансела, Б.Боузека, Й.Владара и др. периода “микенских влияний” на металлообработку Центральной Европы и Балкано-Карпатского региона середины II тыс. до н.э. указывает на сложившиеся противоречия в определении и разделении комплексов среднего и позднего периодов эпохи бронзы.

Одним из главных источников для препятствия установления более ранней датировки позднего периода бронзы в указанном регионе является мнение о позднем функционировании кельтов, не встречавшихся в сочетании с вислобушными топорами среднего периода бронзы. Вторым источником ему представляется датировка европейских мечей XIII в. до н.э., привязанная, с одной стороны, к движению “народов моря” в Средиземноморье, а с другой, к сочетанию в европейских находках мечей и кельтов, почти отсутствующих в средиземноморских древностях и датированных по европейским канонам не ранее XIII в. до н.э. Это привело к разрыву в европейской хронологии древностей между концом среднего периода в XV и началом позднего в XIII в. до н.э.

По мнению Е.Н.Черных, состав негативов на литейных формах из Побит Камыка сочетает наличие кельтов, кинжалов красномаяцкого типа, наверший эпохи поздней бронзы и втульчатых топоров средней бронзы, тбел, украшений, блях с микенским орнаментом, характерных для горизонта среднеевропейских древностей горизонта Хайдушамшон-Апа XVI в. или начала XV в. до н.э. Близким временем должен датироваться и весь комплекс Побит-Камыка. Последнее соответствует и нашим наблюдениям над связью кинжала из Борисовки с негативами литейных форм из Малых Копаней и близкой хронологической связью с Бородинским кладом. Различные типы вооружения и технологические

приёмы его изготовления в эпоху бронзы в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе имеют одну общую деталь оформления в виде грибовидного навершия на рукояти, общие истоки происхождения которого связаны с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем.

На основании высказанных сравнений трудно предложить совершенно конкретную дату погребения с кинжалом у с. Борисовка. Однако, обращает на себя внимание и, по-видимому, синхронный комплекс соседнего в этом могильнике большого кургана № 6 с насыпью диаметром 70 м и высотой 4,5 м. Скорченное погребение было совершено в каменном склепе под купольным сооружением, сложенным из блоков известняка общим объёмом 40 куб. м. (Шамаглий, Черняков, 1970, с.56-59). В погребальном инвентаре находилось деревянное навершие и двуручная чаша, имеющая аналогии в подобных золотых сосудах вылчетрыновского типа микенского происхождения (Дзис-Райко, Черняков, 1981, с.151-162). Могильник у с. Борисовка находится в 60 км южнее находки Бородинского клада. Подобное окружение является свидетельством вероятного их близкого хронологического соотношения друг с другом. Комплекс с кинжалом у с. Борисовка вряд ли по времени далеко отстоит от Бородинского клада и скорее может быть отнесён к концу XV – началу XIV вв. до н.э. Столь ранняя дата этого комплекса сабаатиновской культуры подтверждается и находкой булавки так называемого “кипрского типа” на поселении Сабаатиновка (Черняков, 1985, с.146).

Достаточно яркие комплексы связей древностей Центральной Европы с Микенской Грецией XVI – XV вв. до н.э. имеют определённые соответствия в памятниках Юго-Восточной Европы. Я.Боузеку удалось собрать достаточно яркие и многочисленные археологические материалы о культурных взаимосвязях Средиземноморья, Анатолии и Европы во II тыс. до н.э. (Bouzek, 1985). То же самое сделано А.Боневым для территории Фракии относительно второй половины II тыс. до н.э. (Бонев, 1988).

Для блока культур Сабаатиновка – Ноа – Кослоджени, расположенных территориально в непосредственной близости от Средиземноморья и Малой Азии, а также благодаря морским путям из Эгеиды в Чёрное море, эти взаимосвязи носили не только торгово-ремесленный и культурный характер, но оказали своё влияние на развитие материальной и духовной культуры. Это проявилось в широком распространении каменного домостроительства, особенно на поселении Виноградный Сад, Вороновка 2 (Черняков, 1989, с.165-167), появлении пифосов для хранения зерна, распространении зольников-эсхар типа у Новосёлвки (Тошчев, Черняков,

1986, с.104-115), появлении каменных купольных гробниц под курганами, как это выявлено у с. Борисовка.

Такие взаимосвязи отмечены посещением ахейцами северозападных берегов Чёрного моря, о чём свидетельствуют находки микенских медных слитков в Бургасе и Калиакре в Болгарии (Bouzek, 1985, p.20), импортных кладов двулезвийных топоров в Щётково, Козорезово, Керчи, золотых двуручных чаш в Крыжовлине, Волчегрыне, Радени (Vulpe, Mihailescu-Birliba, 1985, s.47-69), керамики ноическо-сабаатиновского типа и предметов вооружения в Трое и городах Микенской Греции (Черняков, 1984, с.34-42). В слоях Трон-IV (с 2000 г. до н.э.) и VI (с 1500 г. до н.э.) из раскопок 1932 – 1938 гг. американской экспедиции под руководством К.Блегена имеются керамические материалы, сходные с подобными в культуре многоваликовой керамики и сабаатиновской культуре (Blegen, Caskey, Rawson, 1951, Pl.173, 4, 7). Эгейско-анатолийские связи наиболее ярко проявились и в древних культурах Среднедунайской равнины, расположенной в центре Европы в кольце Карпатских гор и Альп (Балагури, 2001, с.217).

Активное развитие военного дела в Средиземноморье и Малой Азии в первой половине II тыс. до н.э. привело к важнейшим событиям в мировой истории древнего мира, отмеченным завоеванием Египта гиксосами, появлением Хеттского государства в Малой Азии и Ахейской державы в Восточном Средиземноморье. Развитие военного дела и вооружений охватило не только эти регионы, но и северные смежные территории, отмеченные значительным количеством находок предметов вооружения второй половины II тыс. до н.э. В Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе и на территории наиболее обширных культур блока Сабаатиновка – Ноа – Кослоджени, отмечено большее количество предметов вооружения.

Племена северных от Эгеиды территорий служили постоянным резервом военных возмущений для цивилизаций Старого Света. Появление “народов моря” в XV – XIV вв. до н.э. на раннем этапе, вероятно, было связано с морскими военными походами, ахейской колонизацией западного побережья Малой Азии, островов, установлением постоянных связей с Египтом, ахейскими центрами Греции (Блаватская, 1966, с.162-164). Вполне возможно, что в этих ранних походах принимали участие и представители племён культур Юго-Восточной и Центральной Европы.

Отмеченные технологические и культурно-экономические связи племён блока культур Сабаатиновка-Ноа-Кослоджени Юго-Восточной Европы с древнейшими государствами Восточного Средиземноморья и

Малой Азии сыграли несомненную прогрессивную роль в развитии их вооружения. Выдвинуты гипотезы о непосредственном участии представителей этих племён в движении "народов моря" (Sandars, 1978, p.50, 161; Черняков, 1984, с.41-42; 1985, с.146-147; Ключко, 1990, с.10-18).

Кинжал, обнаруженный вместе с предметом защитного вооружения, деревянным круглым щитом, обтянутым кожей и украшенным орнаментом из бронзовых заклёпок в виде ромба и свастики, даёт возможность определённой реконструкции воина сабатиновской культуры (рис.4, 7). В этом помогают и реконструкции шлемов, сделанные на основании находок их бронзовых наверший в кладях Криве из Закарпатья и Лозово в Молдове (рис.4, 4; Черняков, 1986, с.56-61). Кожаные шлемы с высокими металлическими блестящими навершиями были распространены среди защитного вооружения древнейших государств Ближнего Востока и Средиземноморья (рис.4, 5, 6). Несомненно, под их влиянием они получили своё развитие и в среде сабатиновско-ионических племён Юго-Восточной Европы.

В реконструкции вооружения воина сабатиновской культуры определённую роль имеют изображения бога Ба'ла в виде воина в шлеме с высоким навершием на стеле из Угарита (Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988, с.263, рис.91в) и воинов "народов моря" на бронзовых статуэтках из Сардинии. Коллекция бронзовых статуэток эпохи бронзы ("бронзетти"), сосредоточенных в Национальном археологическом музее г. Кальяри, является наиболее представительной в Европе и насчитывает около 400 экземпляров (Dessy, 1955, s.23). Среди них особый интерес представляют две, на которых изображены воины с мечами-кинжалами. Один из них держит круглый щит и поднятый меч-кинжал (рис.4, 2), а второй в плаще с посохом также держит в правой руке меч-кинжал, положенный на плечо (рис.4, 1). Оба типа мечей-кинжалов с широкими листовидными лезвиями не характерны ни для одного региона Европы или Средиземноморья кроме типов длинных кинжалов сабатиновско-ионических племён Юго-Восточной Европы, представленных находками в Борисовке, Красных Маяках, Чутулештах, Лозово, Ингуле, Побит-Камыке.

Изображённые воины на "бронзетти" из Сардинии, несомненно, держат своё оружие в качестве мечей, что является вполне объяснимым для длинных мечей-кинжалов так называемого красноаяцкого типа. Самый большой негатив кинжала на литейной форме из Красных Маяк вместе с рукоятью достигает длины 51 см, а из Побит Камыка – 49 см. Е.Н.Черных не без оснований тип из Побит Камыка называет "коротким мечом" (Черных, 1978, с.255). В истории развития древнего вооружения

Старого Света в данном случае представлен довольно уникальный случай попытки создания типа коротких мечей за счёт увеличения размера кинжала без изменения его морфологии и конструкции. Созданные в Центральной Европе и Микенах ещё в XVII в. несколько типов длинных специальных мечей с узким листовидным обоюдоострым клинком и особой формой рукояти представляли более совершенный тип вооружения для ближнего боя. Слишком "архаичные" короткие мечи красноаяцкого типа вряд ли могли с ними соперничать, а поэтому и вышли из употребления. Изображение на культовой металлопластике Сардинии, возможно, является отражением их длительного сохранения в затерянном уголке Средиземноморья, куда они попали вместе с каким-то отрядом воинов "народов моря" из далёкой от них родины в Юго-Восточной Европе.

Типы кинжалов, как и тип круглого щита, вполне могут быть связаны с изображением воинов этих племён, участвовавших в движении "народов моря" в широком ареале Средиземноморского бассейна во второй половине II тыс. до н.э. Естественно, что сделанная нами реконструкция не обладает теми более конкретными чертами, которые присутствуют на реконструкции тяжёловооружённого ахейского воина из Микен, сделанной М.В.Гореликом (рис.4, 3; Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988, с.195, рис.62а).

Литература

- Акиев В.И. Военная история древнего Египта. – М., 1948 – 1959. – Т.1 – II.
- Анконов Л.И., Черных Е.Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. – М., 1989. – С.31-83.
- Валагурі Э.А. Культура Ноа // Археологія Української ССР. – К., 1985. – Т.1. – С.481-489.
- Валагурі Э.А. Населення Верхнього Поднісся в епоху бронзи. – Ужгород, 2001. – 392 с.
- Блаватская Т.В. Ахейская Греция. – М., 1966. – 256 с.
- Березанская С.С., Шарафутдинова И.Н. Сабатиновская культура // Археологія Української ССР. – К., 1985. – Т.1. – С.489-498.
- Бонев А. Тракия и Егейский свят през втората половина на II хилядолетие пр. н. е. // Разкопки и проучвания. – София, 1988. – Кн. XX.
- Данс-Райно Г.А., Черных И.Т. Золотая чаша Волострыновского типа из Северо-Западного Причерноморья // СА. – 1981. – № 1. – С.151-162.
- Дьяконов И.М., Янковская Н.Б., Ардзинба В.Г. Передняя Азия // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. – М., 1988. – С.21-294.
- Картер Г. Гробница Тутанхамона. – М., 1959. – 296 с.
- Ключко В.Л. "Народы моря" та Північне Причорномор'я // Археологія. – 1990. – № 1. – С.10-18.
- Румянцева О.Н. Металева зброя племен півдня Саролейської частини СРСР в добу бронзи // Тези доповідей XV наукової конференції Інституту археології АН УРСР. – Одеса, 1972. – С.154-157.

- Свешников Н.К. Богатые погребения кимаровской культуры у с. Иванья Ровенской области // СА. – 1968. – № 2. – С.159-168.
- Тошев Г.Н., Черняков И.Т. Культурные родственники сабатиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1986. – С.115-138.
- Трейстер М.Ю. Травинские клады (атрибуция, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. – М., 1996. – С.197-240.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М., 1976. – 302 с.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София, 1978. – 388 с.
- Черняков И.Т. О так называемом навершии Красномальского клада // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып.103. – С.19-22.
- Черняков И.Т. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО. – 1970. – Т2 (35). – С.23-37.
- Черняков И.Т. Роль металлургии в прогрессе степных культур эпохи бронзы Северного Причерноморья // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюзного симпозиума. – Ереван, 1982. – С.80-84.
- Черняков И.Т. Связи сабатиновских племен Северного Причерноморья с Востоком Средиземноморья (по керамическим находкам) // Северное Причерноморье. – К., 1984. – С.34-42.
- Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. – К., 1985. – 170 с.
- Черняков И.Т. Детали шолома пізньобронзової доби // Археологія. – 1986. – № 53. – С.56-61.
- Черняков И.Т. "Город людей киммерийских" Гомера в археологических реалиях Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Обл. конф., посвя. 90-летию Б. Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С.165-167.
- Черняков И.Т. Сабатиновская культура – северо-восточная оikumena балкано-карпатских культур // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тез. Докл. 1-го Всесоюзного полевого семинара 10 – 18 сентября 1990 г. – Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997. – С.31-33.
- Чухов М.О., Черняков И.Т. Хронология археологических памятников эпохи міді-бронзи на території України. – К., 1988. – 180 с.
- Шарафутдинова И.Н. Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К., 1986. – С.83-116.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г. // СА. – 1970. – №1. – С.109-120.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964 – 1966 гг.) // МАСП. – 1970. – Вып.6. – С.5-115.
- Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M. Troy. The Third, Fourth and Fifth settlements. – Princeton University press, 1951. v. II, p.2, 318 pl.
- Bozsek J. The Aegean, Anatolia and Europe Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. – Praha, 1985. – 270 p.
- Dessy N. I bronzetti nuragici. – Milano, 1955. – 212 s.
- Dorpfeld W. Troja und Ilion. Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion in den Jahren 1870 – 1894. – Athen, 1902.
- Florescu A.C. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din Romania (asezari si necropole) // Cultura si Civilizatie la Dumarea de Jos. – Calarasi, 1991. – 220 p.
- Gerskovic J.P. Studien zur spathronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr

- und an der Westküste des Azov'schen Meeres // Archäologie in Eurasien. – B. 7. – Berlin, 1999. – 106 s. und 49 taf.
- Kaiser Eke. Der Hort von Borodino. – Universitätsforschungen zur prahistorischen Archäologie. – Bonn, 1997. – Band 44. – 160 s.
- Karo G. Schachtgräber von Mykenai. – München, 1930/1933. – 320 s.
- Klochko I. Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th – 10th centuries B. C. // Baltic-Pontic Studies. – 1993. – Vol. 1. – 138 p.
- Maxwell-Hyslop R. Daggers and swords in Western Asia. – Iraq. – London, 1964. – v. 5, 8. – P.26-127.
- Morintz S. Contribuții arheologice la istoria Traciilor timpurii. I. Epoca bronzului in spațiul Carpato-Balcanic. – București, 1978. – 216 p.
- Neagu M. The eastern component of the Coslogeni culture // Culture et civilisation av Danube. – Calarasi, 1993. – t. X. – P.165-192.
- Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de bronzuri din Romania. – București, 1977. – 390 p.
- Sandars N.K. The first Aegean bronze swords and their ancestry // AJA. – 1961 – v. 65, 1. – p.17-30.
- Sandars N.K. The Sea Peoples. Warriors of the ancient Mediterranean 150 – 1150 B. C. – London, 1978. – 216 p.
- Vladar J. Umenie davnovekebo Spisa. – Bratislava, 1978. – 126 s.
- Vulpe A., Mihulescu-Birliba V. Der Goldschatz von Radeni, Jud. Neamt, in der Westmoldau, Rumanien // Prachistose Zeitschrift. – 1985. – B.60, H.1. – S.47-69.

I. T. Chernyakov (Kiev)

Of the history of the development of weapons in the South-East Europe and Mediterranean II Millennium B. C.

(Summary)

A study of the development of weapons the late period of the Bronze Age of South-East Europe is characterized by relations of civilizations of the ancient Mediterranean and Asia Minor. The likeness of principal archeological artefacts is the evidence of the largest bloc adjacent similar cultures Sabatinovka-Noua-Coslogeni in South-East Europe of late period of the Bronze Age. In this article are studying of the oldest history of daggers – a short-range offensive weapon for hand-to-hand fighting.

The discovery of the burial of barrow of the Sabatinovka culture with the bronze dagger and the wooden shield from Borisovka near Borodino in the Dnestr-Danube region is the rare find in South-East Europe. In tipological and morphological particulars of the dagger of Borisovka there are in the tipology by negatives daggers of foundries Maliye-Kopany, Pobit Kamyk, Krasniy-Mayak, Voloshskoje, bronze daggers of hoards Ingul, Lozovo, Chutuleshty. The foundry Pobit Kamyk (Bulgaria) included the axe of the Middle Bronze Age and the celt of the Late Bronze Age. The foundry Maliye-Kopany included the dagger of the types Borodino of the Middle Bronze Age and dag-

gers of the types Krasniy-Mayak, Koslogeny, Novokievka of the Late Bronze Age. The chronology of the dagger of Borisovka dates from the XV – XIV B. C.

The bronze dagger of Borisovka have the mushroom-headed type handle. Similar handles of daggers are wide-spreaded in the South-East, Central Europe and Aegean, Anatolia, Egypt of the Bronze Age (III – II Millenium B. C.). The oldest findes of this similar handles are a well-known in Troy II, Dorak, Bibl, Egypt (Tutanchamon-grave), Pylos, Mycenae (Greece). In the treasure K Troy II is included rock-crystal mushroom-headed types for handles of daggers. Sardinian bronze figurines of warriors with types of daggers of the Sabatinovka-Noa-Koslogeny-culture tribes is the evidence take part of nothern tribes in Sca-People Invasion. The study of weapons is create the possibily of the reconstruction of the warrior Sabatinovka-Noa-Koslogeny-culture tribes of the Bronze Age. Big exemplars of similar daggers are used as swords.

Список рисунков

Рис. 1. Карта расположения культур Сабатиновка (I), Ноа (II), Кослоджени (III) и памятника, упоминаемых в статье: 1 – Борисовка; 2 – Бородино; 3 – Новоселци; 4 – Красные Маяки; 5 – Воронка II; 6 – Крыжовин; 7 – Виноградный Сад; 8 – Сабатиновка; 9 – Щетково; 10 – Ингул; 11 – Козорезово; 12 – Малые Копани; 13 – Керчь; 14 – Новокиевка; 15 – Лобойково; 16 – Волошское; 17 – Мариновка; 18 – Иванье; 19 – Дудчаны; 20 – Чутулешты; 21 – Лозово; 22 – Криве; 23 – Радени; 24 – Калиакра; 25 – Бургас; 26 – Вылчетрыл; 27 – Сливен; 28 – Побит Камык; 29 – Червошка; 30 – Кослоджени; 31 – Першнар; 32 – Мойград I; 33 – Гановцы; 34 – Елисевици; 35 – Троя; 36 – Дорак; 37 – Богазкей; 38 – Угарит; 39 – Библи; 40 – Египет; 41 – Сардиния; 42 – Микены; 43 – Пилос.

Рис. 2. Схема деталей кинжала из Борисовки: а – клинок; б – рукоять; с – среднее утолщение у основания клинка; д – ребро, валик или перелом; е – грани; г – лезвие; д – острие; h – черенок; i – отверстия для крепления штифтами-заклепками; j – корпус рукояти; k – навершие рукояти; l – перекрестие; m – плечо; n – расширение или перехват.

Рис. 3. Типы кинжалов с грибовидными навершиями рукоятей: 1 – Дорак; 2 – Библи; 3 – Пилос; 4, 5 – Египет (гробница Тутанхамона); 6 – Иванье; 7 – Бородино; 8, 9 – Малые Копани; 10 – Побит Камык; 11 – Кослоджени; 12 – Борисовка; 13 – Волошское; 14 – Ингул; 15, 16 – Лозово; 17 – Дудчаны; 18, 21, 23, 26 – Красные Маяки; 19 – Мойград I; 20, 25 – Новокиевка; 22 – клад из Трои II; 24 – Лобойково; 27 – Мариновка; 28 – Чутулешты (2 – 4 – золото; 7 – серебро; 1, 3, 6, 11, 12, 14 – 16, 19, 24 – 28 – бронза; 5 – железо; 8 – 10, 13, 17, 18, 20, 21, 25 – 27 – негативы на каменных литейных формах; 5, 22 – горный хрусталь).

Рис. 4. Изображения вонзов и шлемов бронзового века: 1, 2 – бронзовые статуэтки из Сардинии; 3 – реконструкция вооружения "ахейского воина" (М.В.Горелника); 4 – реконструкция шлема воина культур Ноа-Сабатиновка (И.Т.Чернякова); 5 – "микенский шлем" XVI – XV вв. до н. э.; 6 – изображение шлема на стене из Угарита XIX в.; 7 – реконструкция вооружения воина культур Ноа-Сабатиновка (И.Т.Чернякова).



Рис. 1. Карта расположения культур Сабатиновка (I), Ноа (II), Кослоджени (III).

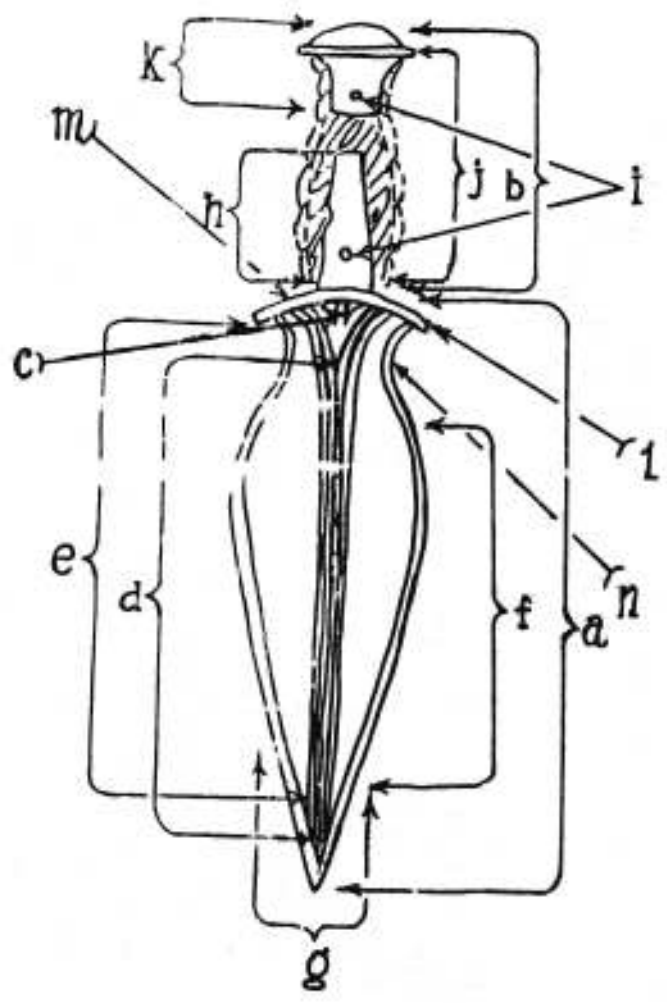


Рис. 2. Схема деталей кинжала из Борисовки.

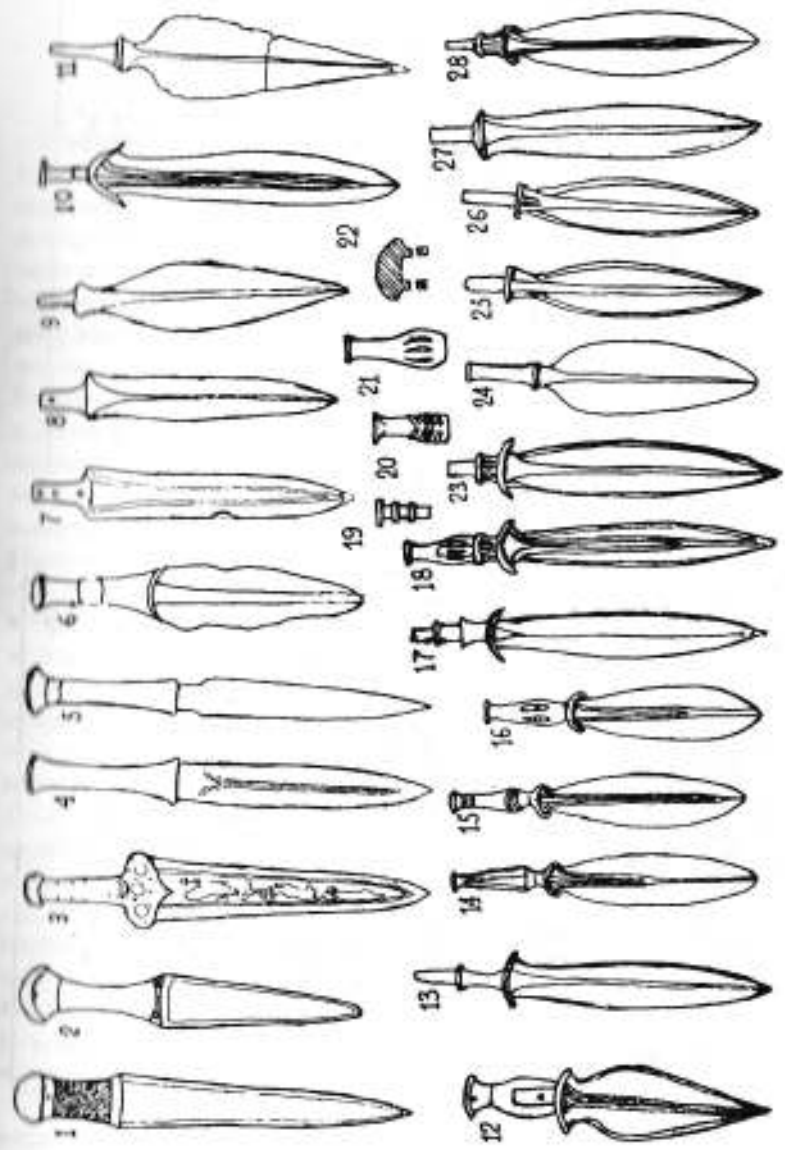


Рис. 3. Типы кинжалов с грибовидными навершиями рукоятей.

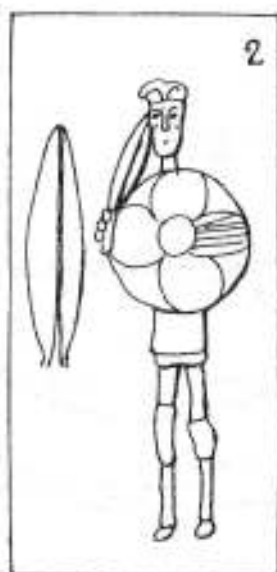


Рис. 4. Изображения воинов и шлемов бронзового века.